

XVII Всероссийская научная сессия византинистов: Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами)
(Москва, 26–27 мая 2004)

Крупным научным событием российского гуманитария последнего времени стала сессия византинистов в Институте всеобщей истории РАН. Здесь предоставленное для заседаний пространство было гораздо теснее, исчезала дистанция между президиумом и залом, между выступающими и аудиторией. Здесь доминировали обращение к частным сюжетам, подлинным первоисточникам, дух критичности и сомнений, где темпераментной дискуссией сопровождалось почти каждое выступление.

Академик РАН Г.Г. Литаврин в своем вступительном выступлении подчеркнул как бесспорное положение то, что инициатива в «предъявлении претензий на духовное водительство и политическое господство», а равно в признании за собой права на применение силы принадлежала исключительно Западу, что остается действительным и для современности.

Из прочих докладов новизной идей и широтой привлекаемых новых источников из российских и зарубежных древлехранилищ выделялись доклады академика РАЕН, заместителя директора Института всеобщей истории РАН М.В. Бибикова и члена-корреспондента РАН, декана исторического факультета МГУ С.П. Карпова.

Бибиков на сей раз остановился на пророчествах латинского завоевания Константинополя в 1204 году. Им рассматривались не только пророчества, приписываемые Льву Мудрому (866–912), в действительности же возникшие в начале XII века, но и рельефные изображения на колоннах императоров Феодосия (347–395) и Аркадия (377–408), отобразившие современные этим пра-

вителям события и грядущие испытания. Вплоть до катастрофы 1204 года византийцы не придавали им значения, когда же империи постигло бедствие, все с удивлением обнаружили, что все случившееся до деталей было воспроизведено на рельефах — сцены множества кораблей, подступивших к стенам великого города, воины в панцирях, взбирающиеся по лестницам на башни, последний император, сброшенный с колонны. Надписи на рельефах, нанесенные за несколько столетий до трагедии, предвещали, что власть греков кончится, когда процарствуют три Алексея, что с Запада придет народ с коротко остриженными головами, в железных доспехах и завоюет Константинополь. Будучи бессильными изменить случившееся и в досаде на свою слепоту, византийцы стали крушить железными молотами эти изображения, отчего они и не сохранились до нас, однако их описания были зафиксированы хронистами Радальфом Коггесхейльским, Жоффруа де Виллардуэном, Робером де Клари и другими.

С.П. Карпов осветил образование новых греческих государств на Востоке после 1204 года, выступивших с инициативой реставрации Византии. Одним из таковых стала Трапезундская империя, основанная Комнинами и включившая в свой состав Южное побережье Черного моря, Кавказ, Крым. Исследователь показал, как Комнины стремились превратить Трапезунд в «Новый Константинополь»: в нем были возведены императорский дворец с великолепным тронным залом, собор Святой Софии. Общеимперский палладиум святых покровителейполнили Святой Георгий, являв-

шийся одним из символов Византии, и Богоматерь Влахернская, выступавшая заступницей первопрестольного града. Более того, иконографический анализ уникальной ранней печати Алексея I Великого Комнина (1204—1222) позволил ученому высказать убедительное заключение о времени провозглашения его императором и, соответственно, о времени основания Трапезундской империи. На аверсе печати был изображен император, сопровождаемый за руку Святым Георгием, день поминовения которого приходится на 23 апреля; на реверсе была изображена сцена «Сошествие во Ад», которая соотносится с Пасхой, приходившейся в 1204 году на 25 апреля. Таким образом, спустя десять дней после падения Константинополя на Востоке потомок императорской династии Алексей Комнин провозгласил образование новой империи, претендующей на правопреемство Византии. Однако когда претензии отвоёвывать обратно византийское наследство не удалось, трапезундские Комнины избрали путь утверждения локальной монархии, что отразилось и в государственной символике — вместо Святого Георгия стал изображаться Святой Евгений, почитавшийся у местного населения.

Повышенный интерес вызвал доклад Д.Е. Афиногенова, известного переводчика византийских церковных авторов, посвященный описанию Никитой Хониатом падения Константинополя в 1204 году. В различных контекстах те или иные цитаты этого описания уже не раз озвучивались в выступлениях и в Паломническом Центре, и в Институте всеобщей истории. Вот одна из них: «О ужас! Святые образы бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников заброшены в места всякой мерзости! Но что страшно промолвить и что можно было видеть глазами: божественное тело и кровь Христовы были разлиты и разброса-

ны по земле. В те дни, как в древности, Христос был снова раздет и осмеян, и о ризах его метали жребий». И вот этот текст впервые был подвергнут специальному анализу. Ученый держал перед собой греческий текст, цитировал его и комментировал. Исследователь выделил два фрагмента в описании захвата латинянами столицы Византии: первый фрагмент отличается эпическим стилем, лексикой, заимствованной из Гомера, вкраплениями из Библии; второй фрагмент отличается повышенной концентрацией риторических фигур — исоколонов, гомеотелевтов и других, напоминает плач (ἔρνος) с периодическими возгласами «ὦ πόλις, πόλις». Здесь отчетливо слышится силлабо-тоническая ритмизация. Воспринимать буквально эту часть описания не следует, она едва ли соответствовала действительности; крестоносцы не могли бросать мощи святых в отхожие места, ими дорожили, их вывозили на Запад и получали большие доходы.

Немало оригинальных наблюдений было представлено во многих других докладах византинистской сессии.

К.В. Хвостова предприняла весьма любопытный сравнительный анализ западной и византийской цивилизаций. В Византии, по ее заключению, продолжало перерабатываться классическое римское право, в то время как на Западе осваивалось «вульгарное право», которому были свойственны обыденный язык, смешение понятий и терминов. В Византии различались право собственности, владения и пользования, в том числе право на чужую землю; на Западе, совершенно иначе, наблюдалось смешение права собственности и права на чужую землю, что привело к появлению особого института «условного владения» и к иерархической структуре собственности. В Византии разграничивались публичное и частное право, на Западе, напротив, этого не

было, что породило особый западный партикуляризм, когда каждый феодал стал обладателем суверенитета. В Византии государь наделялся *синергией*, способностью выражать Божественную волю, он мог даровать земли подданным, подобно Богу; на Западе земля, земельная собственность являлись человеческим установлением, отражавшим несовершенство человеческой природы; единственным моральным оправданием земельной собственности становится благотворительность, свойственная Западу. В Византии доминировала социальная психология всеединства, соборности, монизма, была убежденность в объединении посюстороннего тварного мира с Божественным, отсюда неизбежная сакрализация социума. На Западе, наоборот, стал господствовать плюрализм, земной мир стал противопоставляться Божественному, что завершилось секуляризацией социума.

А.А. Чекалова рассмотрела представления византийцев о Западе. Сами византийцы воспринимали себя «*ромейми*», подлинными римлянами. Тех же «*мнимых римлян*», которые жили в Риме и Италии, они предпочитали именовать «*италиками*», презируя их за невежество, незнание греческого языка и культуры, за извращенность. Бедствия, выпавшие на долю Византии, заставили некоторых византийских интеллектуалов даже усомниться в существовании Бога.

Обсуждение проблемы восприятия Запада продолжил А.М. Крюков. На основе изучения писем Михаила Хониата, митрополита Эллады, он рассмотрел отношение византийца к латинскому господству в первые годы после завоевания. Итальянцы воспринимались необразованными, говорящими на варварском языке, не понимающими эллинских книг. Однако главным качеством итальянцев выступала жадность; само почитание Христа они «превратили

в служение золоту». Латинское правление оценивалось как тирания. В то же время, когда возникала надобность покритиковать эллинские порядки, нередко ставились в пример обычаи кельтов, германцев и других западных варваров. Т.В. Куш затронула представления латинофилов о латинянах.

С.И. Лучицкая представила иное видение — греки глазами франков. Греки воспринимались не просто схизматиками, а худшими из еретиков. Греки оказывались хуже сарацинов, последние были «более добры и милосердны, нежели греки». Взятие Константинополя представлялось на Западе актом провидения Божия.

Ряд докладов был посвящен византийской *литургике*, что было воспринято аудиторией как знак возрождения фундаментального знания, определяющего понимание своеобразия византийской культуры.

К.А. Максимович охарактеризовал специфику моравской литургии. А.М. Пентковский говорил о Константинопольском богослужении в XI–XII веках. М.С. Желтов подверг критике авторство византийской литургии, приписываемое Римскому Папе Григорию Великому. Подобная атрибуция возникла много позднее, уже после окончательного падения Византии. Полные литургии были составлены еще отцами греческой церкви Василием Великим (около 330–379) и Иоанном Златоустом (около 350–407). Они были основными в греческом и славянском мире. Однако с XI века в греческих церквях стали совершаться литургии апостолов Марка и Иакова. Известна была и латинская месса, молитвы которой были переведены на греческий язык и включены в литургический чин греческой церкви. Эта византинизированная версия мессы называлась литургией апостола Петра.

А.В. Бармин проанализировал «Слово об опресноках» Никиты

Никейца, касающееся споров между латинянами и греками о характере главного таинства христианства — евхаристии. Латиняне настаивали на том, что подлинное причастие должно совершаться пресным хлебом, поскольку сам Христос, согласно Евангелиям, совершил первую евхаристию на опресноках. Греки возражали, утверждая, что квасной хлеб напоминает об одухотворенности плоти Христа, тогда как пресный хлеб подобен лишенной духовности плоти; кроме того, греки отмечали непоследовательность латинян, буквально следовавших одному правилу, но отвергавших другие, исполненные Христом, например, обрезание.

Л.А. Беляев обобщил результаты архитектурно-археологического исследования Константинополя за последние 15 лет. Автор отметил, что после 1204 года византийская архитектура деградировала, греки перестали строить новые здания, были заняты перестраиванием уже прежде созданного; исчезла личность архитектора, перестали создаваться проекты, трехмерные проекции, модели, место архитектора занял техник.

Н.П. Алтухов вновь рассмотрел восточные источники по истории Халеба и Антиохии времен I Крестового похода и показал, что между мусульманами и христианами антагонизм был ослаблен, тогда как между православными и католиками наблюдалась его эскалация. Л.А. Герд осветила вопрос о «восточном папизме». И.О. Князький охарактеризовал взаимоотношения между Константинополем и половцами рубежа XII—XIII вв. К.И. Лобовикова проанализировала высказывания Георгия Трапезундского о Великой схизме. Д.И. Макаров осуществил источниковедческий анализ «Пяти слов о Свете Фаворском» Феофана Никейского. Е.Н. Мещерская и Е.К. Пиотровская дали обоснование уточненной датировки создания архетипа Летописца Еллинского и

Римского. Н.Г. Пашкин представил результаты изучения дипломатической миссии Григория Цамблака. В.В. Рыбаков сообщил о деятельности Гамбург-Бременской миссии в связи с Великой схизмой. Е.В. Степанова на основе изучения новых сфрагистических материалов сделала интересные наблюдения о карьере византийского провинциального чиновника Ставракия.

Историографической проблематике был посвящен, пожалуй, единственный доклад — Г.Е. Лебедевой и В.А. Якубского. Главной героиней их дискурса стала О.А. Добиаш-Рожественская, известная блестящими работами по истории крестовых походов.

Из прочей, довольно насыщенной программы слушаний особое внимание вызвали доклады С.А. Иванова и Р.М. Шукурова.

С.А. Иванов обозначил свой полный парадоксов доклад «Что такое скимпод?». Речь шла о переносных сиденьях, которые были внесены в тронный зал и поставлены для западноевропейских рыцарей рядом с императорским престолом (во время приема до штурма Константинополя). Оказалось, что здесь имелись в виду скамьи с перекрещенными опорами под сиденьем. Подобные сиденья должны были не столько подчеркнуть особую милость императора, допустившего рыцарей восседать рядом с собой, сколько обозначить непреодолимую дистанцию между скамьей и тронном. Позднее новые властители Константинополя не воспринимались в общественном мнении как достойные величия империи.

Апогеем нового ментального поворота дискуссии стало выступление Р.М. Шукурова, обратившего внимание на феномен Румского султаната, который также заявлял о притязаниях на правопреемство рухнувшей империи ромеев по праву занятия существенной части бывших имперских владений. Пра-

вители султаната активно адаптировали политико-правовое наследие Византии; получили обращение золотые и серебряные монеты с арабскими легендами и христианской символикой — изображениями Иисуса Христа, Святого Георгия. Исследователь проследил даже изменение их иконографии, когда Иисус стал изображаться с чалмой на голове вместо нимба, сидящим в мусульманской позе (Иса), а Святой Георгий стал изображаться в мусульманских одеждах и с восточ-

ным вооружением (Джирджис). В Руме получила распространение легенда о том, что последний византийский император не погиб, но был сокрыт в подземном обиталище Шахи Зинд, откуда он вскоре должен выйти живым и невредимым и совершить справедливое возмездие.

Ментальный поствизантизм, по-видимому, имеет гораздо большее распространение, притом не только в православном мире.

А.Г. Еманов

**Международная научная конференция:
Православная Византия и латинский Запад
(950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата
Константинополя крестоносцами)
(Москва, 26–27 мая 2004)**

На 2004 год приходятся круглые даты двух печально памятных событий мировой истории, которые радикально изменили Европу, раскололи ее на два противостоящих мира — это 950-летие разделения церковей, а именно: католической и православной, именуемого еще *«Великой схизмой»*, а также 800-летие взятия столицы Византии крестоносцами.

Этим событиям посвящаются различные церковно-политические, общественные и культурные акции: Римский Папа выступил с осуждением учиненного в 1204 году разгрома византийского первопрестольного града как величайшего преступления Запада против православного мира, он подтвердил снятие анафемы с православных патриархов, объявленной в 1054 году, и призвал всех католиков к покаянию. Одновременно организуются экспозиции в крупнейших музеях и библиотеках Европы и Америки. Не обходит вниманием эти события средневекового прошлого и научная общественность — историки, философы, религиоведы, богословы

проводят различные симпозиумы, конференции и форумы. В июле этого года в Лидсе (Великобритания) состоится Международный конгресс медиевистов, тематическим приоритетом которого объявлена тема *«Clash of Cultures»*, обращенная к катастрофе 1204 года.

26–27 мая 2004 года в Москве, в Институте всеобщей истории РАН прошла XVII Всероссийская научная сессия византинистов, получившая название «Византия и Запад» и посвященная названным двум датам. Ее председателем выступил глава российского византиноведения академик РАН Г.Г. Литаврин. Ожидалось участие на пленарном заседании самого патриарха Русской Православной Церкви Алексия II. Однако «интеллектуальная схизма» московского научного сообщества привела к тому, что под эгидой РПЦ в Паломническом Центре была проведена другая конференция в те же самые дни и с почти идентичным названием — «Православная Византия и латинский Запад».

Несколько слов о конференции в Паломническом Центре, имевшей